

Голосенко И. А. Козловский В. В. История русской социологии XIX-XX вв.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ИСТОРИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ: В. О. КЛЮЧЕВСКИЙ

Среди русских интеллектуалов, вызванных к умственной жизни реформой по освобождению крестьян 1861 г., особо выделяется фигура Василия Осиповича Ключевского (1839-1911) - крупнейшего историка, одного из пионеров направления исторической социологии, оказавшей сильное влияние на целое поколение обществоведов России на рубеже двух веков.

В. О. Ключевский был сыном бедного священника, семья которого жила в глухой деревне. Впечатления "часто обидной нужды" ранних лет и дальнейшая учеба в Пензенском духовном училище и с 1856 по 1860 гг. в духовной семинарии наложили сильный отпечаток на характер юноши. "Вскормила его провинциальная семинарская школа с ее своеобразной серьезностью схоластического учения, крепкими традициями и тяжелой атмосферой произвола, то ломавшая, а то и закалявшая характеры, но редко оставлявшая их без надлома и ущемления" [1. С. 223]. Однако веяния "великих реформ" проникали и в суровую атмосферу семинарии. Не окончив ее, Ключевский стал в знаменательном 1861 г. студентом историко-филологического факультета Московского университета. За годы учебы прошел испытание авторитетом двух местных профессоров - С. Соловьева и Б. Чичерина, но быстро выработал самостоятельную манеру исследования.

Уже ранняя дипломная работа "Сказания иностранцев о Московском государстве" показала профессионалам, что в лице молодого историка необходимо видеть крупную научную силу. Ключевский тонко дифференцировал рассказы 35 иностранцев XV-XVI вв. о различных сторонах жизни России с точки зрения их достоверности, выяснил обстоятельства, при соблюдении которых подобные "мнения" становятся "документом". Его магистерская диссертация (1872 г.) была посвящена роли монастырей в колонизации северо-восточной Руси, причем фактический материал работы был несколько необычным - жития святых из этих районов. Проблемы роли церкви в русском гражданском праве, культуре и социальном порядке волновали его всю дальнейшую жизнь. После защиты он, испытывая затруднения в денежных средствах, преподает курс русской истории сразу в трех учебных заведениях: Александровском военном училище, Московской духовной семинарии и Высших женских курсах известного историка В. И. Герье.

С 1879 г. Ключевский начинает преподавание в Московском университете, студенты которого в большинстве своем сочувствовали модным позитивистским веяниям и на первых порах встретили профессора духовной семинарии, к тому же читавшего курс еще и в военном училище, с крайней настороженностью и даже предвзято. Но лед недоверия был быстро сломан, они почувствовали по методологии и содержанию лекций сильного и умного наставника, идеи которого помогут им, когда наступит пора собственной научной работы. Среди них оказались впоследствии известные правоведы, историки и социологи - М. Любавский, А. Кони, П. Милюков, Р. Виппер, А. Кизеветтер и

другие. По свидетельству коллег, Ключевский буквально "опустошал другие аудитории", читать лекции с ним в одно время было немыслимо.

Одновременно с блестящим преподавательским выступлением Ключевского начался и его литературный успех. В январской книжке "Русской мысли" за 1880 г. появилось начало его фундаментального исследования "Боярская дума в древней Руси". Через два года вышло отдельное издание, позднее - неоднократные переиздания, и постепенно обнаруживался высокий спрос со стороны благодарных читателей. С этой книги началась социологическая школа в русской историографии, которая сменила "национально-государственную историографию", поставив на место философского идеализма Гегеля чисто "реалистическое миропонимание" Конта, Спенсера, Милля и других позитивистов. Это было время блестящего дебюта и необыкновенного расцвета общественных наук. Ключевский прочно занял свое место в этом процессе.

Защита в 1882 г. "Боярской думы..." в качестве докторской диссертации собрала множество людей из научных кругов и широкой публики. Печать свидетельствовала после многочасового диспута: "Мы имеем дело не с восходящим, а уже взшедшим светилом русской науки". Имя Ключевского приобретает широкую известность, которую упрочили серии новых монографий большого научного значения и публичные речи, приуроченные к общенациональным торжествам или юбилейным дням. Так, были весьма известны его две речи о Пушкине (1880, 1887гг.), о преподобном Сергии Радонежском (1892 г.), "о добрых людях древней Руси" (1892 г.) и речь, посвященная памяти императора Александра III (1894 г.). Наряду с относительно небольшими и утонченными очерками о творчестве Д. Фонвизина, Н. Новикова, А. Пушкина и М. Лермонтова, выходивших, как правило, в "Русской мысли", он там же опубликован ряд крупных историко-социологических этюдов: "Происхождение крепостного права в России" (1886 г.), "Состав представительства в земских соборах в древней Руси" (1890- 1892 гг.). Эти работы давали толчки к дальнейшему изучению обширного материала отечественной истории (впрочем, не только отечественной) под новым углом зрения. Ключевский стал признанной главой господствующей в нашей историографии с конца прошлого века "школы историко-социологов".

После защиты докторской диссертации окончательно упрочилась его долгая университетская и академическая карьера. Ключевский становится деканом историко-филологического факультета, заменив на этой должности умершего С. Соловьева, почти на десятилетие - помощником ректора, членом и председателем ряда исторических и археологических научных обществ, придав их деятельности невиданный прежде динамизм. Как соредактор массового журнала "Научное слово", оказывает влияние на популяризацию достижений науки начала XX в.

В ответ на неоднократные просьбы он решает издать свой знаменитый, постоянно углубляемый курс по русской истории. Его решительно не устраивало то, что уже ходило по рукам. К началу XX в. обнаружилось множество литографированных изданий его курса, которые фиксировали записи студентов на слух и были весьма приблизительными, пестрыми. Ключевский разрешал студентам пользоваться подобными изданиями в качестве учебных, экзаменационных пособий, но протестовал против ссылок на них в научном обиходе. Открещивался он из-за ошибок и от издания (50 экземпляров), сделанного правительственной типографией по распоряжению премьера С. Ю. Витте для узкого пользования в высших сферах.

В 1899 г. Ключевский сам издает конспективный образец курса "краткое пособие по

русской истории", имевшее шесть последующих изданий. С 1904 г. по 1910 гг. выходят четыре части его классического "Курса русской истории", доводящие дело до' Екатерининской эпохи. Но смерть прервала его работу над пятой частью. Всероссийский авторитет Ключевского, как знатока отечественной истории, как открывателя новых социологических путей ее изучения был в начале века беспорен и в научных кругах (его дважды избирали членом Российской Академии наук - в 1890 г. по разряду истории и в 1906 г. - изящной словесности), и в мнении широкой общественности, и даже властей. Его приглашают читать лекции великому князю Георгию Александровичу, он член двух важных государственных комиссий по вопросам печати и Государственной Думы. Наконец, он член Государственного Совета от Академии и университетов. Впрочем, от последнего поста Ключевский вскоре отказался из-за нежелания покинуть Москву и ее университет.

Вся его жизнь прошла в Москве за книгами, рукописями, корректурой. Его отдыхом были беседы с друзьями и иногда - ужение рыбы - занятие, любимое им с детских лет. В какой же манере работал Ключевский? Был ли он в этом отношении похож на своих современников-социологов, многих из которых - Н. Михайловского, Н. Кареева, В. Хвостова, М. Ковалевского и других хорошо знал лично? И каковы результаты его работы?

Уже при жизни его называли "ученый-художник", и действительно в деятельности Ключевского эти разные виды культурной работы счастливо слились. Как ученый (историк и социолог) он внимательно изучал многообразные архивные данные, юридические, бытовые и культурные документы разных эпох, сопоставляя статистические материалы. Полученные факты интересовали его не сами по себе, как бы красочны они ни были. Он помещал их в контекст экономических, политических и социальных причин и следствий, связывал с классовой структурой, народным психологическим складом, демографическими процессами, природной средой. Только комбинация всех этих переменных выявила, на его взгляд, подлинно научное значение фактов. Именно это он считал методологической сутью собственной "исторической социологии", которая интересуется не великими личностями и их знаменитыми фразами, сказанными "для истории", а массами, учреждениями и другими "историческими силами, строящими человеческие общества" [7. Ч. 1. С. 3-4].

Начинать эту исследовательскую работу, по глубокому убеждению Ключевского, методологически целесообразно с истории именно отдельного народа, ибо в ней легче проследить природу и действие сил, строящих ее. Со временем - и это будет торжеством исторической науки - из изучения того, как строилось то или иное отдельное человеческое общество может выработаться общая социология, т.е. "наука об общих законах строения человеческих обществ, приложимых независимо от проходящих местных условий [Там же. С. 17]. При этом существует в мировой истории дело совместной работы многих народов, составляющее общекультурные завоевания, их изучение - предмет всеобщей истории культуры как цивилизации. Историческая социология и всеобщая история культуры, как он определял во вступительной лекции, составляют стороны "научного здания социологии". Что же касается ценностей или, как тогда любили выражаться - "идей", то, они, по мысли Ключевского, оставаясь в рамках индивидуального сознания или узкого межиндивидуального общения, обогащают "запас человеческого общежития" не больше, чем обогащают "народное хозяйство игрушечные мельницы, сооружаемые детьми на дождевых потоках". Идеи становятся "исторической

силой или фактором", когда овладевают народной массой, превращаясь не только в общие, но и обязательные нравы, обряды, обычаи, традиции, идеологии или когда они овладевают властью, реализуясь в законодательстве, деятельности учреждений и капитала. Только в такой объективизации Ключевский их признавал и изучал. Таким образом, им различались: 1) идеи, носившие характер личного достоинства и не получившие широкого общественного звучания; 2) "идеи исторические", ставшие групповым, общественным достоянием. Последние, попадая в исторический процесс, часто не сохраняют свой первоначальный вид, так как при реализации, объективизации требуют целого набора средств, поддерживающих их обязательное признание - общественное мнение, требование юридического постановления или приличия, гнета полицейской силы и т. п. Подобная поддержка невольно искажает замысел их автора. Далее, в подобных идеях, следует различать два типа: идеи, направленные на воспроизводство функционирования строя и в ответ - счастливо поддержанные им и идеи протеста против порядка, усваиваемые обществом нелегально или оппозиционно [Там же. С. 28-32]. Так происходит во всех сферах человеческого творчества. Скажем, великолепный музыкальный мотив, останься он в художественном воображении автора или даже напетый им узкому кругу друзей, остается его личным достоянием, его частным делом. Чтобы мотив стал общественным достоянием, его надо разработать, положить на инструмент или на целый оркестр, повторить в десятке вариаций, разыграть перед публикой, где "маленький восторг каждого слушателя заразит его соседей справа и слева", и из этого взаимного заражения составит коллективное впечатление [7. Ч. 3. С. 373]. Далее к делу пропаганды подключаются: пресса, музыкальные училища и консерватории, институты. И последнее, понравившийся мотив будет унесен домой и помогать обороняться от пошлостей и невзгод ежедневной жизни. Ценность, получившая такое широкое распространение, начинает жить уже самостоятельно от творца. Идеи, добившиеся общественного признания, становятся нравами и нормами политической, законодательной и хозяйственной жизни, в лоне которых окончательно превращаются в долговременную историческую силу. Поэтому главный предмет исторической социологии, по Ключевскому - экономические и политические факты.

В этой связи явным недоразумением выглядит попытка неокантианца В. М. Хвостова определить сущность мировоззренческого кредо Ключевского словами: "Идеи имеют первостепенное значение в историческом процессе" и даже доказать методологическую близость его позиции с Г. Риккертом [8. С. 15].

На фактические идеи (ценности) и цели Ключевский смотрел как реалист. Образцом его рассуждений в этой области можно считать интерпретацию новаторской деятельности Петра Великого: "Мы склонны думать, что Петр I и родился с мыслью о реформе, считал ее своим провиденциальным призванием, своим историческим назначением. Между тем у самого Петра не заметно долго такого взгляда на себя. Его не воспитывали в мысли, что ему предстоит править государством никуда негодным, подлежащим полному преобразованию... Он просто делал то, что подсказывала ему минута, не затрудняя себя предварительными соображениями и отдаленными планами, и все, что он делал, он как будто считал своим текущим очередным делом, а не реформой: он и сам не замечал, как этими текущими делами он все изменил вокруг себя, и людей и порядки... Только разве в последнее десятилетие своей 53-летней жизни, когда деятельность его уже достаточно себя показала, у него начинает высказываться сознание, что он сделал кое-что новое и

даже очень не мало нового. Но такой взгляд является у него, так сказать, задним числом, как итог сделанного, а не как цель деятельности. Петр стал преобразователем как-то невзначай, как будто нехотя, поневоле. Война привела его и до конца жизни толкала к реформам" [7. Ч. 4. С. 272-273].

А между тем, идеи реформы, обоснование ее необходимости и путей реализации высказывались еще до Петра I рядом политических мыслителей, как отечественных, так и зарубежных (Ю. Крижанич). Но, подчеркивает Ключевский, никакого влияния эти идеи на преобразования Петра I не оказали. Наоборот, их прочитали по-новому только после того как реформа, складывающаяся исторически, силой стихийной закономерности народной жизни, стала фактом, стремясь с помощью этих работ уяснить себе свое новое значение и положение.

Что же касается излюбленного идеалистами отвлеченного духа, как творца истории, оценка самого Ключевского была сухой, - это, скорее, "область не науки, а метафизики" [7. Ч. 1. С. 31-32]. "Такой социологический подход к задачам исторического исследования занял постепенно преобладающее положение в научных методах русских историков...", исследующих не только историю России, но и Запада. И чем бы они ни занимались - Итальянским Возрождением (А. Веселовский, Н. Карелин, А. Алексеев), Англией и Францией Нового времени (М. Ковалевский, Н. Кареев, И. Лучницкий, И. Иванов, А. Боровой, А. Вульфийус, Е. Тарле, П. Ардашев и многие другие) они сходились в постановке тем, в формулировке задач, в методах критики и социологическом анализе источников. Вклад этой когорты русских историков, а суммативно это многие десятки крупных и оригинальных монографий, получил мировое признание [9. С 131-133].

Как большинство обществоведов своего времени Ключевский был эволюционистом, поэтому требовал генетического рассмотрения действия и сцепления обозначенных выше переменных. На этом основании популярные тогда теории одного фактора - экономического, демографического, географического, психологического и т. п., он считал неизбежно однобокими. У сторонников этих монистических подходов изображение жизни общества напоминает простой геометрический чертеж. Между тем, даже простая фиксация обратного детерминизма, обилие противоречий, историческая смена решающей силы одного или другого фактора в социокультурном времени и пространстве делают картину невероятно пестрой. Наличие этой пестроты для Ключевского служило доказательством верности рисунка самой действительности под пером того или иного исследователя.

Все сочинения Ключевского обильно переполнены иллюстрациями того, что он называл "историческими антиномиями", противоречиями, исключениями из общих правил исторической жизни, произведениями своеобразного местного склада условий. Но все они не были отрицаниями исторической закономерности, а скорее не более сложным проявлением, непредвиденным несовпадением ее требований и целей человека. Объясняя деятельность Ивана IV, Богдана Хмельницкого, Екатерины II и Петра I, он замечает, что результаты их преобразований сплошь и рядом были неожиданными для их творцов, никто из них и не помышлял о подобных эффектах. Напомним, что Гегель называл эту загадочную антиномию человеческой деятельности "хитростью истории", а Вундт "законом гетерогонии целей".

Свои методологические приемы Ключевский применил к истории России, полагая, что отдельно взятая национальная история через ее уникальное и особенное неизбежно выведет дисциплинированного исследователя на законы мировой истории. Но как

именно? Большинство позитивистов считали, что с помощью сравнительных методов. Любопытной особенностью методологии Ключевского было критическое отношение к популярному в ту пору историко-сравнительному методу. В практике его использования он видел известный догматизм и априористичность того "однородного", что искали за рядами произвольно набираемых факторов. Часто это приводило к обеднению истории и неоправданной модернизации ее, оправданию ныне существующего и симпатичного лично исследователю вопреки фактам.

Знаменитый методологический спор неокантианцев с позитивистами о природе идиографического и номотетического знания, оставил его равнодушным. Ключевский был убежден, что любая наука, естественная или социальная, в равной степени номотетична, там где она объясняет, и идиографична, там где она описывает. Все дело в соотношении этих частей в каждой из наук. Скажем, в исторической науке больше идиографического знания, чем в физике, но есть и объяснения. Кстати, в сочинениях, как и в лекциях Ключевского чисто фактическое повествование, элемент рассказа занимал небольшое место, только в качестве иллюстрации. Почти все содержание его курса составляло объяснение, анализ экономических, политико-юридических, социальных процессов народной жизни.

Как социолог Ключевский представлял общество "таким же фактом мирового бытия, как и жизнь окружающей нас природы", проводил параллели между процессами социальными и биологическими, говорил об "анатомии", "физиологии" и возрасте "общественных тел", органическом и социальном разделении труда и т.п. [7. Ч. 1. С. 2]. Вслед за многими коллегами он различал статику, "состав и строй" общества, т.е. его структурное строение с особыми элементами и связями между ними (он их называл "формами") с особыми функциями или "действиями", и динамику, т.е. процессы возникновения, роста, смены, прогресса, упадка и гибели общества. Главным в динамике он считал не рациональный расчет, планы, мотивы, цели, и программы людей, а "стихийную необходимость" человеческих действий. Своему курсу он ставил, по собственным словам, "социологические задачи", из которых центральной задачей считал выяснение исторических сил, с помощью которых "случайные и разнохарактерные людские единицы с мимолетным существованием складываются в стройные и плотные общества, живущие целые века". Таким образом, его социологический подход к истории определялся у него и исследовательской задачей, методологией, точкой зрения и предметом изучения. Именно в таком смысле он определял самого себя: "историк-социолог".

Какой же предстала русская история под пером Ключевского, настойчиво следовавшего собственным методологическим принципам? В ее многовековой эволюции он выделил четыре фазы: первая - с VIII по XIII в. - охватывала днепровские районы с большой массой городского населения, вовлеченного в обширную торговлю с соседями; вторая - с XIII до середины XV в. - была средне-волжской, удельно-княжеской и земледельческой, с XV до начала XVII в. - московской, царско-боярской, военно-земледельской, а с XVII до середины XIX в. - всероссийской, имперско-дворянской, с крепостническим строем, земледельческо-фабрично-заводским хозяйством. Хотя территориальный акцент явно обнаруживается, Ключевский не был сторонником географического детерминизма, как иногда ошибочно указывают. Его взгляды на сей предмет были взвешенными и лишенными крайностей.

Значение природной силы в истории человечества очень велико, особенно на ранних

ступенях развития. Природа "держит в своих руках колыбель каждого народа" [Там же. С. 43]. Позднее влияние остается, но уравнивается развитием культуры (цивилизации). "Природа нигде и никогда не действует на человечество одинаково, всей совокупностью своих средств и .влияний", они переменчивы и сами зависят от многих обстоятельств. Влияет она и на преобладающие хозяйственные занятия, бытовые и политические устройства и на "народный темперамент" [Там же. С. 11]. Интересно в этой связи его замечание: в ранних отечественных памятниках долгое время не встречалось понятие "русский народ", а только "Русская земля", т.е. понятие с сильной "территориальной привязкой" [Там же. С. 248-250]. Тем не менее специфическая характеристика каждой фазы основывалась им на сочетании географического района, его особенностей (лес, обилие рек и речушек, степь), главных занятий и местожительства населения, жизненных укладов последнего и групповой дифференциации, ее юридического основания, культурного обеспечения и контактов с другими обществами и культурами - западными и восточными.

Перекрестную роль России (Запад-Восток) он настойчиво подчеркивал, наткнувшись на многочисленные исторические свидетельства. Россия, по Ключевскому, есть "переходная страна посредница между двумя мирами. Культура неразрывно связала ее с Европой: но природа положила на нее особенности и влияния, которые всегда влекли ее в Азию или в нее влекли Азию" [Там же. С. 46]. "Спасая Европу от татарских ударов, Россия, отмечал он, очутилась в арьергарде Европы, оберегая тыл европейской цивилизации. Но сторожевая служба везде неблагодарна и скоро забывается, особенно когда она исправна: чем бдительнее охрана, тем спокойнее спится охраняемым и тем менее расположены они ценить жертвы своего покоя" [4. Ч. 2. С. 508]. К затянувшемуся спору западников и славянофилов Ключевский не примкнул, считая каждую позицию "простым разделом труда в работе над одним и тем же предметом" [7. Ч. 3. С. 325-326]. Он обратил внимание на роль процессов, общих для всех (или нескольких) фаз русской истории: мобильность (перемещение населения, колонизацию и создание казачества), подавление всех сословий государственной бюрократией и обратный процесс медленного раскрепощения, освобождения от нее .

Социологический анализ русской истории позволял Ключевскому выходить на новые темы или нестандартно решать вопросы, о которых уже была большая литература. Так, он поднял относительно мало затронутый русской наукой вопрос о ценности и хозяйственном значении денег, точнее, нашего рубля, о флуктуациях его покупательной способности на протяжении большого временного цикла.

И хотя статья была посвящена в первую очередь методологическим технико-историческим процедурам, демонстрируя как по хлебным ценам можно проследить колебания стоимости старого рубля и через него экономическую жизнь в минувшие века, ввиду того, что в ней поднимались и связывались в единое объяснение многие эмпирические данные (таможенные сборы, хлебный оброк, цены на хлеб в разных районах, движение цен в зависимости от неурожая, войн, заграничного спроса на хлеб и т.п.) она имела важное социологическое значение и была необычной для описательной историографии [11].

Сказал он новое слово и в проблеме происхождения крепостного права. Традиционная точка зрения (Б. Чичерин и другие) сводила проблему к действию правительственных указов. Ключевский же в крепостном праве увидел итог долгого эволюционного процесса отношений землевладельцев и землепользователей разных рангов, практики

арендных договоров и долговых обязательств. Крестьянство садилось на участок земли, получая обычно у помещика небольшую ссуду и при выходе обязано было вернуть ее и таксу за дом, двор. При неустойке стоимость долгов возвышалась и крестьянин механически прикреплялся к земле. Он конечно мог бежать, что кое-кто и делал (так возникло казачество), но это было опасно. "Крестьянское право выхода замирает само собою без всякой законодательной отмены его, прямой или косвенной" с конца XVI в., - делает вывод Ключевский. Что касается правительства, то оно спохватилось, когда институт крепостного права уже был фактически создан и не считаться с ним было уже нельзя [12. С. 19, 25].

До Ключевского Смутное время представляли фантазмагорией, нагромождением случайных фактов. А он различил новые социальные, классовые силы этой перестройки XII в., с их разными программами, кандидатами на престол и т.п. Перерыв династии Ивана Калиты неизбежно породил гражданский, политический и идейный разлад. Во-первых, популярная политическая философия той поры гласила - государь и государство едины, но "когда династия пресеклась, государство оказалось ничьим, люди растерялись". Некому подчиняться, "стало быть, надо бунтовать" [7. Ч. 3. С 64-65]. Началась повсеместная дезинтеграция властных структур, вера в законности власти в глазах масс была подорвана.

Во-вторых, различные слои и классы московского общества выдвинули своих ставленников на верховную власть. В условиях тотального брожения самые подлые, незаконные приемы борьбы считались приемлемыми, тем более, что интересы этих слоев были непримиримыми. Новые же политические идеи - выборности царя народом, конституционного контроля над ним, единства государства и народа казались заморской диковинкой, плохо входили в практику, ибо посягали на привычные традиции. Для народной массы XII в. "выборный царь был такой же несообразностью как выборный отец или выборная мать" [Там же. С. 65]. Вот почему массовые сомнения в народном избрании, как достаточно правомерном источнике верховной власти, не обеспечили авторитет и продолжительность правления ни умному Б. Годунову, ни хитрому В. Шуйскому и ... с необходимостью открыли дорогу самозванству.

Выход из смуты был обнаружен в создании центральной власти, соединяющей новое (идея выборности династии) и старое (наличие хоть каких-либо дальних кровно-родственных связей с линией Калиты). Выбранный на престол Земским Собором в 1613 г. Михаил Романов был покладистым и богобоязненным юношей. Ивану Грозному он приходился внучатым племянником. Это удовлетворяло запросы и ожидания массового сознания. Что же касается боярства, городских торговых верхов, администрации и церковных кругов, то они удовлетворялись выбором слабой, на их взгляд, политической фигуры. Так, общий классово-политический, межсословный компромисс возвел на престол династию Романовых. Администрация из всех этих социальных сил вышла из смуты наиболее окрепшей и еще более централизованной. Но господствующей нотой в настроениях народных масс становится недовольство, питаемое новыми взглядами на государя и государство, которые появились в бурях Смутного времени. Народ "утратил ту политическую выносливость, какой удивлялись в нем иноземные наблюдатели XVII в., был уже далеко не прежним безропотным и послушным орудием правительства". XVII век был в нашей истории "временем народных мятежей" [Там же. С. 112; ср. 170, 309].

Ключевский отрицательно относился к мнению славянофилов о том, что наша история

якобы не знала борьбы власти с народом, к марксистской трактовке отношений власти и народа только в понятиях эксплуатации и борьбы, отрицания известной солидарности и поддержки. В равной степени он отвергал предположение народников о том, что в нашем прошлом не было места капиталу и связанных с ним специфических явлений народной жизни. Это ставило его в оппозицию к известным общественным течениям и их доктринам. Но были и союзники. Идея классовая подкладка и властных тенденций в историко-социологической интерпретации смуты имела способных продолжателей - С. Платонова, А. Трачевского и других, которые откровенно признавались, что на долю русской исторической науки выпал праздник, когда она "возвысилась до социологической точки зрения" [13. С. 1281

Обычно социологи той поры весьма упрощали картину социальной дифференциации, сводя ее к двум-трем классам и борьбе или сотрудничеству между ними. Ключевский описывал множество расслоений населения, особенно городского, так что социальная структура и стратификация русского общества в его изложении носила сложный, комплексный характер [14. С. 152-199]. Многолетнее изучение Ключевским социально-политического и экономического статусов членов нескольких Московских земских соборов за XVI-XVII вв., социологически убедительно доказало административно-инструментальный характер этих учреждений. Этот анализ (Ключевский его посвятил своему университетскому учителю Б. Чичерину) считается исследованием высокого образца. Ключевский поименно выявил всех избранных в земские соборы, проверил в архивах их происхождение, статус, дальнейшую судьбу и доказал, что русское народное представительство в отличие от западноевропейского не было противовесом централизму и возникло "не для ограничения власти", а для ее укрепления, ибо соборы, эти русские органы самоуправления, были переполнены должностными, административными лицами. Источником полномочий соборного представителя было не поручение, возложенное на него избирателями по личному к нему доверию (это вещь капризная!), а более серьезная вещь - доверие правительства, основанное на общественном и административном положении доверенного лица, в соединении с его властью и ответственностью начальника. Иными словами, это были скорее агенты правительства, чем депутаты народа.

Земское представительство возникло у нас из потребностей государства, а не усилий самого общества, явилось по призыву правительства, а не выработалось из жизни народа. "После полуторавекового прерывистого существования земские соборы прекратились, не оказав заметного влияния на дальнейший рост правительственных учреждений" [15].

Теперь рассмотрим иную сторону деятельности Ключевского - Ключевский, как художник. "Златоуст" русской публичной речи А. Кони пронизательно заметил: Ключевский "говорил на чудесном русском языке, тайной которого владел в совершенстве" [2]. Его устная и письменная речь свидетельствовали о несомненном литературном таланте, он мастерски изобретал и использовал афоризмы. Упомянем только оценку роли "добрых людей", "альтруистов": "было бы сердце - печали найдутся". Ключевский часто и умело пользовался смысловой антитезой. Вот некоторые примеры из его работы: "государство пухло, а народ хирел"; "в университете... лекций не читали, но студентов секли"; "личная свобода... поддерживалась кнутом"; "взятничество при Петре достигло размеров небывалых прежде, разве только после", нам нужно знать, чего не успели сделать наши предки... "их недоимки - наши задачи", а опричников он

просто называл - "штатные разбойники", "мундирные анархисты". Но не мешал ли его эстетизм научной объективности?

Ключевский никогда не терял научного самообладания, которое не позволяло ему плоско морализировать по поводу прошлого. Строй его текстов эпически спокоен. Единственные средства "суда историка", к которым он прибегал - насмешка или сарказм. Но и они органично вплетены в текст, подчиняясь логике изложения, не претендуя на самостоятельное значение. Любовь к своему народу и отечеству, по Ключевскому, включает в себя умение говорить о нем правду. "Надобно быть большим патриотом, чтобы любить самые недостатки родной страны, но вовсе не нужно переставать быть им, чтобы заметить и понять эти недостатки" [6. С. 375]. Он видел светлые и высокие стороны русской жизни, наряду с темными и недостойными.

Сливаясь с лучшими свойствами своего народа, Ключевский с беспристрастием настоящего ученого и "скорбью родного и близкого человека" (А. Кони) указывал и на недостатки: слабое развитие и рабскую приниженность личности, на случайность и подавленность общественного мнения, жестокие крайности редкого социального протеста, общую грубость нравов, вероломство и восточную хитрость политических приемов борьбы .

Среди исторически воспитанных свойств национального характера Ключевский выявил несколько противоречий: склонность томиться размеренной и самодовольной жизнью, словно это вовсе не жизнь, и противоположное желание - "дразнить счастье, играть в удачу", именно отсюда наше знаменитое "авось", "либо грудь в крестах, либо голова в кустах": удивительная способность русского человека к напряженному, но кратковременному труду и отвращение к труду размеренному и постоянному: легкость преодоления опасностей, препятствий и неумение с тактом и достоинством выдержать успех, склонность скоропалительно "подводить итоги насчет искусства составлять сметы".

Ключевский не смотрел на национальный характер (или, по его словам, "народный темперамент"), как на нечто раз и навсегда данное. Он признавал его историческую изменчивость, зависимость как от естественных, так и от социокультурных детерминант, но видел и долго действующие константы, в частности влияние природы. "В борьбе с неожиданными метелями и оттепелями, с непредвиденными августовскими морозами и январской слякотью и вырастающих на них житейских случайностях" русский человек "стал больше осмотрителен, чем предусмотрителен, выучил больше замечать следствие, чем ставить цели"... Это умение и есть то, что мы называем задним умом, которым так крепок русский человек [7. Ч. 1. С. 390-391]. "Наши песни, пейзажи, живопись... - спрашивал Ключевский, - "какие чувства они оставляют? Веселые или печальные? Ни то, ни другое: грусть!" По Ключевскому, это национально русское, народное настроение. И на Западе это чувство знают, но оно там спорадическое явление личной жизни (сплин, хандра), на Востоке к этому чувству "примешивается вялая, безнадежная опущенность мысли", и из этой смеси образуется грубый психологический состав, называемый фатализмом. "Народу, которому пришлось стоять между безнадежным Востоком и самоуверенным Западом, досталось на долю вырабатывать настроение, проникнутое надеждой но без самоуверенности, а только с верой" 16. С. 135-136]. Его смиренный рефрен "...да будет воля Твоя".

По мнению Ключевского, поэзия М. Ю. Лермонтова в последние годы его жизни близко подошла к этому национально-религиозному настроению грусти. Интересно, что В.

Розанов позднее повторил эту же мысль, считая, что со временем из Лермонтова мог вырасти поэт сильного религиозного чувства.

В силу личного воспитания и, может быть, впечатлений детства, о недостатках ранних, допетровских периодов Ключевский говорит с юмором, добродушной шуткой, а о более поздних - с едким злом, сарказмом. Так, дворянское общество и культуру XVIII в. историк-разночинец считал "уродливыми", в них тон задавали люди "случайные, как минутные дождевые пузыри": "Говорят, культура сближает людей, уравнивает общество. У нас было не совсем так... Все усилившееся общение с Западной Европой приносило нам идеи, нравы, знания, много культуры, но этот приток скользил по верхушкам общества, осаждаясь на дно частичными реформами, более или менее осторожными и бесплодными. Просвещение стало монополией господ, до которой не могло без опасности для государства дотрагиваться простолюдые..." [7. Ч. 3. С. 5-8] Ключевский, как никто другой из русских историков, обращал самое пристальное внимание на язык, считая его вечным историческим памятником, вот почему он любовно вслушивался в русские напевы, поговорки, старинные названия. Своим стилем, красиво смешивая подборы старых и новых слов, он наглядно показывал единство русской жизни и ее культурного пространства.

Когда Ключевский погружался в чтение многочисленных древних документов, его внутреннее художественное чутье помогало ему вживаться в другую эпоху, проникнуться ее чувствами, настроениями и мирозерцанием. В эти минуты он как бы жил и беседовал с людьми прошлого, сопереживал их опыт, был рядом с ними. Таинственным искусством "понимания" он владел в совершенстве, вот почему, начиная говорить и думать на языке прошлого, он в нужный момент, как бы спохватившись, иронично напоминал о наших днях. Это всегда производило сильнейший эффект на читателя и слушателя. Современникам Ключевского казалось, что они воспринимают человека других столетий, что он пересказывает им свои живые впечатления о Калите, Иване Грозном, Алексее Михайловиче "Тишайшем", Петре I, Екатерине II и других персонажах отечественной истории. Одна русская художница после его лекции о Древнем Новгороде поражение заметила: "Можно подумать, что он только что вернулся оттуда!"

Кстати, Ключевский долгое время преподавал в Школе живописи, ваяния и зодчества даже после прекращения профессорских обязанностей в университете. Ему нравилось общение с молодыми художниками, чувствовать себя "художником среди художников". В несколько измененном курсе лекций для художников Ключевский обращает пристальное внимание на подробное описание бытовой обстановки прошлого, старого русского костюма, обычаев, поверий и поговорок. Рассказы иллюстрирует демонстрацией портретов, фотографий и старинных рисунков.

По многочисленным свидетельствам иностранных посетителей России XVI-XVII вв. (Флетчера, Олеария, Петрея, Вебера и других), работы которых Ключевский очень внимательно исследовал, бытовая сторона русской жизни поражала их воображение. Возьмем, к примеру, макияж: русские женщины красили не только лицо, но и тело, руки, глаза разными красками, на толстый слой белил (они всегда входили в число вещей необходимых для приданого) наносились красные, синие и темные тона, черные ресницы белились, светлые затемнялись. На этой маске сияли огромные черные глаза, русские женщины владели секретами окрашивания белков глаз (якобы состав был из металлической сажи, водки и розовой воды). Мало того, они чернили даже зубы.

Головной убор сильно стягивал лоб, так что возможности закрыть огромные глаза не было. Иногда накладывали мушки в виде различных фигур: домов, карет, деревьев и т. п. Воображение какого художника не захватит эта "живопись" русского терема.

Молодые русские художники учились художественному восприятию исторической действительности и точному знанию этнографических, археологических и культурологических деталей отечественного прошлого.

Как демократ и эволюционист Ключевский верил в то, что Россия рано или поздно перейдет в период "правового государства" и либеральных свобод, ибо многовековое дворянское правление, по его убеждению, находится уже в глубочайшем кризисе, а самовластие как политический принцип не обеспечивался признанием со стороны "гражданской совести".

Ключевский открыто выступал против воинствующего национализма и антисемитизма, все более склоняясь к либеральной оппозиции самодержавию. Однако на вопрос: "как скоро наступит желанное время, он давал, по многочисленным свидетельствам, уклончивый, даже пессимистический ответ [17. С. 170]. Но это был ответ, по воспоминаниям П. Милюкова, "очень умного и пронизательного человека, а... не брюзжание старика" [2. С. 217]. Ключевский не доверял политическому номинализму, близоруким политическим программам, партийным расчетам. Его лично завораживала медленная, но верная работа "стихийной необходимости".

Смертельно больной, после неудачной операции, он взялся за статью в честь 50-летия отмены крепостного права. Символично, это был одновременно юбилей его вхождения в стены Московского университета, в честь которого он столь плодотворно трудился.

Историко-социологическая концепция Ключевского имела в дальнейшем как сторонников, так и критиков, резоны и предпочтения тех и других были временами вполне законными. Иногда жаловались на отсутствие у Ключевского и "цельного общественного мировоззрения" (П. Милюков), а иногда - на отсутствие связного изложения этого мировоззрения в едином общем томе и трудности его восстановления по обширному эмпирическому материалу, где это мировоззрение обнаруживается в отдельных умозаключениях (С. Голубцов). То писали о его своеобразном одиночестве среди всех главных течений русской общественной мысли (А. Пресняков), то - об основании им нового направления в ней (А. Лаппо-Данилевский), то оценивали как идеалиста (В. Хвостов, А. Пресняков), то как исследователя, преувеличивающего роль материального географического фактора (И. Лиоринцевич) и т. п.

Вероятно, в этих оценочных несогласованиях частично лежат особенности многогранной и творчески мощной фигуры самого Ключевского, а частично - личные пристрастия его интерпретаторов [1; 2; 3; 8; 16; 17; 18; 19]. И все же следует согласиться с мнением благодарных современников: духовное наследие Ключевского есть "замечательный памятник нашего национального самосознания".

После Октябрьской революции коммунистическое правительство объявило печатание и продажу трудов Ключевского монополией нового государства, печатание частным издательствам было категорически запрещено "под страхом ответственности перед законом страны". Но этой монополией власть распорядилась весьма своеобразно - дореволюционный поток изданий Ключевского постепенно превратился в хилый ручеек и вскоре вообще засох под палящим солнцем единственного "подлинного научного понимания истории". И только после смерти "корифея всех наук" начался новый выпуск его сочинений.

Добавил(а) Социология
10.01.11 03:09 -
